

СТРАТЕГИЯ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ У БАГРАТИДОВ (ДО XIII В.)*

А. Ю. Виноградов

Хорошо известно, какое значение придавалось имени и его выбору в Средние века, как на Западе, так и на Востоке. Недавние исследования А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского выявили важнейший механизм в имянаренении у русских Рюриковичей домонгольского периода: новорожденный младенец мужского пола в княжеской семье получал имя — родовое, языческое по происхождению — ближайшего старшего умершего родственника, а вместе с этим именем ему, по представлениям эпохи, передавалась и сила, и слава предка; если же младенец получал имя в честь живого родственника (обычно дяди), то это означало его передачу под покровительство более сильного родича или, наоборот, оттеснение младшего родственника на периферию династии¹. И вышеупомянутые авторы титанического труда, и Б. А. Успенский², пронаблюдавший имянаренение в честь умершего деда у евреев II тыс. по Р. Х., склоняются к тому, что данный феномен имеет германское (для Рюриковичей — конкретно скандинавское) происхождение.

Следует отметить, что вышеперечисленные исследователи нигде не нашли письменного оформления данного принципа, который остается своего рода неписанным законом. Тем удивительней, что его вербальное воплощение мы обнаруживаем в совершенно иной культурной среде: в византийской «Хронике» Симеона Логофета (середина X в.). Здесь он

* В данной статье использованы результаты работы над проектом «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненной в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 году. Статья представляет собой сокращенный вариант большой работы, которая посвящена сравнительному анализу стратегии имянаренения на Христианском Востоке и сейчас готовится к печати.

¹ Литвина, Успенский 2006: 265–66.

² Успенский 2012: 26–33.

применен, однако, не к персонажу византийской истории, а к древнему, библейскому герою — Аврааму: «Фарра, достигнув 70 лет, родил от своей жены Едны, дочери Авраама, своего дяди по отцу, Авраама, которого мать назвала именем своего отца: ведь тот успел скончаться до его рождения» (32, 5)³. В этом кратком пассаже мы видим формулировку двух основных вышеупомянутых стратегий имянаречения: наречения в честь деда и наречения в честь близкого *умершего* родственника⁴. Четкое определение Симеоном Логофетом того принципа имянаречения, который считается вроде бы германским по происхождению, заставляет задуматься о наличии такого механизма, помимо Руси, и в других странах восточнохристианского мира. Впрочем, тот факт, что в «Хронике» он отнесен к прародителю евреев, можно истолковать и в том смысле, что это не вообще восточнохристианский, а именно еврейский или ветхозаветный принцип имянаречения.

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть наличие данного принципа имянаречения у восточнохристианских правителей, следует изучить, насколько сильно он проявляется в их семьях на протяжении значительного промежутка времени. Такое исследование требует, с одной стороны, анализа репрезентативного материала, т. е. изучения достаточно разветвленных и долго существовавших семей, а с другой стороны, наличия генеалогических древ для данных семей. Для Кавказа генеалогические таблицы для основных знатных семей были составлены, пусть и не безошибочно (см. ниже), К. Тумановым⁵. Впрочем, здесь имеются свои проблемы: у большинства семей существуют значительные лакуны в генеалогии, что делает многие реконструкции родословия в них весьма гипотетичными; кроме того, многие семьи слабо разветвлены и не дают нам достаточно репрезентативного ономастического материала. Поэтому в нашем исследовании мы ограничимся изучением принципов имянаречения на Кавказе лишь у одной, зато самой разветвленной и долго существовавшей династии — Багратидов, историю и идеологию которой изучал Аркадий Анатольевич Молчанов⁶, чьей светлой памяти и посвящается настоящая статья.

Конечно, задуманная нами работа должна была бы начинаться с перепроверки всех фактов, указанных в вышеперечисленных генеалогических исследованиях, однако эта титаническая работа представляется нам в настоящий момент трудновыполнимой. Поэтому мы тешим себя надеждой, что заинтересовавшиеся данной темой исследователи перепроверят выводы как Туманова, так и наши собственные. Основной нашей задачей было выявление *механизмов* имянаречения, а их полная историческая оценка — дело будущего.

³ SYMEONIS MAGISTRI: 37.

⁴ Не совсем ясно, подразумевается ли здесь одновременно и запрет на наречение именем живого родственника вообще.

⁵ TOUMANOFF 1990.

⁶ МОЛЧАНОВ 2005.

Багратиды — одна из могущественнейших, если не самая могущественная семья средневекового Кавказа. Различные ветви этой семьи, восходящей еще к IV в. по Р. Х., правили во многих государствах Закавказья начиная с VII в. Багратиды часто становились объектом внимания исследователей, которые не могли не заметить чередования в багратидских семьях ограниченного набора имен⁷, но не дали этому никакого объяснения. Однако, как мы увидим ниже, выявление принципов этого механизма не только важно само по себе, но и оказывается весьма значимым для различных аспектов истории Кавказа, прежде всего, идеологии и хронологии.

Для удобства исследования разделим Багратидов, вслед за К. Тумановым⁸, на несколько семей: армянские Багратиды до середины IX в.; таронские Багратиды; анийские, карсские и албанские Багратиды; тао-кларджетские Багратиды; Багратиды — цари объединенной Грузии. Как мы увидим в дальнейшем, такое разделение соответствует и определенным механизмам в системе имянаречения. В хронологическом отношении мы ограничиваемся временем до конца XII в., т. е. до пресечения мужского потомства в династии грузинских царей; в генеалогическом аспекте мы следуем таблицам К. Туманова⁹, указывая в определенных местах на наше с ним несогласие. В целях ономастического сопоставления мы унифицируем греческое, армянское и грузинское написание имен.

1. Армянские Багратиды до середины IX в.

История Багратидов (по-армянски — Багратуни) прослеживается от начала IV в., точнее от 314 г., под которым упоминается происходящий от Оронтидов Смбат (Самбатий), отец Баграта (это имя было позднее соотнесено с греческим *Панкратий*) — последний и дал имя всей династии¹⁰. Впрочем, самые ранние Багратиды дают нам мало материала по имянаречению, так как генеалогическая линия между сыном Баграта Смбатом II (известен в 367–74 гг.) и Вараз-Гироцем (середина VI в.) остается весьма гипотетичной. Однако один важный момент выявить удастся: сына Баграта звали так же, как и его отца, — Смбатом, причем даты их упоминаний (314 и 367–74 гг. соответственно) вполне позволяют предположить, что Смбат II был назван в честь умершего деда. Кроме того, следует отметить тот факт, что в вышеуказанном промежутке большинство имен повторяется: Смбат III (возможно, внук Смбата II; разница между датами их упоминаний — ок. 50 лет), Исаак (Саак) I, Исаак II (возможно, внук или правнук первого; разница — 90–100 лет) и Исаак, сын Мануила I (возможно, внук или правнук Исаака II; разница — ок. 70 лет). Параллельно этому

⁷ Отмечено уже К. Патканьяном (Левонд: 96, прим. 200).

⁸ TOUMANOFF 1990: 54–55.

⁹ Там же: 109–37.

¹⁰ Там же: 109.

у Багратидов появляются новые имена: *Тироц* (происхождение неясно), *Спандиат* [вероятно, в честь Спандарата Камсаракана (упоминается около 430 г.)¹¹] и *Мануил* (*Манвел*; имя типично для Мамиконянов со второй половины IV в.¹²; Мануилу Багратуни приблизительно современны два Мануила Мамиконяна¹³), причём последнее имя закрепляется в багратидской династии (см. ниже).

Начиная с Вараз-Тироца (середина VI в.), именов слов Багратидов изменяется и параллельно этому стабилизируется: в нем повторяются как старые семейные имена (*Смбат*, *Мануил*), так и новые (*Вараз-Тироц*, *Ашот*). Имя *Смбат* в последней четверти VI в. либо актуализировалось, либо было дано по какому-то значительному небагратидскому персонажу, так как в то же самое время оно появляется вдруг и у Мамиконянов¹⁴. Имя *Вараз-Тироц* (с первым элементом *вараз* «кабан»), возможно, является актуализованной модификацией имени *Тироц* (ср. пару имен *Бакур* и *Вараз-Бакур*, популярную в это время в Картли¹⁵), известного у Багратидов в середине V в. (см. выше). Наконец, имя *Ашот* (по-гречески Ἀσθότιος) является новацией: Ашот I (упоминается в 555 г.) получил его, вероятно, в честь Ашота Камсаракана, принявшего мученическую смерть в 451 г.

Новый именов слов (хотя его новизну трудно считать абсолютной ввиду отрывочности наших данных по именов слову Багратидов до середины VI в.) закрепляется в династии очень быстро: начиная с правнуков Вараз-Тироца мы видим преимущественно чередование именов слов вышеперечисленных имен. Новое обогащение именов слова происходит только в середине VII в., у многодетного Смбата V: после традиционных имен *Вараз-Тироц* и *Ашот* у старших сыновей его младшие отпрыски получают имена *Васак* и *Баграт*. Их появление можно было бы связать с женой Смбата, происходившей из древней династии Аршакидов, однако у последних таких имен не известно. Поэтому вероятней выглядит актуализация старого династического имени *Баграт* и появление имени *Васак* либо, опять же, из рода Мамиконянов, где оно встречается с середины IV до конца V в.¹⁶, либо, скорее, из рода Арцруни, где такое имя носил мученик, распятый персами в 610/611 г.¹⁷, т. е. как раз незадолго до рождения Васака Багратуни (последний был сыном Смбата V, скончавшегося в середине VII в.). То же относится и к имени сына Баграта — *Исаак*, которое однажды встречается у Мамиконянов (в 555 г.)¹⁸, но типично именно для Арцруни, с последней четверти V по конец VIII в.¹⁹

¹¹ Там же: 270.

¹² Там же: 330–31.

¹³ Там же: 331.

¹⁴ Там же: 332.

¹⁵ КАРТЛИС ЦХОВРЕБА: 38–103.

¹⁶ TOUMANOFF 1990: 329–31.

¹⁷ Там же: 100.

¹⁸ Там же: 331.

¹⁹ Там же: 100–01.

На примере этого небольшого набора имен у Багратидов середины VII — начала IX в. (т. е. с того момента, как они стали, под разными титулами, властителями Армении²⁰, и до выделения локальных линий, о которых см. ниже) мы можем проследить функционирование механизма передачи имени между родственниками и выявить основные его модели (говоря в дальнейшем о том, что кто-то получил имя «по кому-то» или «в честь кого-то», мы имеем в виду совпадение имен у новорожденного и данного его родича — принцип о наречении имени «в честь» или «в память» кого-то вербально здесь также нигде не зафиксирован²¹).

1) Имя по деду получают Мануил (вероятно), Смба́т V, его сын Вараз-Тироц, Смба́т VI, Смба́т I Васпураканский, сын Смба́та VI Вараз-Тироц, сын Ашота III Васак, Ашот IV и Шапух II. Главные имена здесь — *Вараз-Тироц* и *Смба́т*: именно их получают старшие сыновья на протяжении пяти поколений. Однако начиная со второй половины VII в. имя *Вараз-Тироц* закрепляется только в старшей линии Багратуни, а после того как поочередно два Вараз-Тироца не достигли вершин власти в Армении (первый был убит византийцами, а последний, наоборот, был вынужден перейти на византийскую службу), с конца VIII в. оно вообще исчезает из именованья Багратидов.

2) Имя по дяде по отцу получают брат Смба́та VI Ашот и Ашот III, оба по одному и тому же персонажу — Ашоту II (причем первый — в качестве второго сына (у второго наличие братьев неизвестно), тогда как его старший брат был назван по деду), а также Ашот I Сиспиритидский (см. также ниже).

3) Имя по двоюродному дяде по отцу получают сын Исаака I Ашот и Смба́т VII (неизвестно только, по какому: Смба́ту VI или Смба́ту I Васпураканскому). Последние две модели явно служили укреплению горизонтальных связей между членами династии, в то время как вышеописанное заимствование имен у других семей сближало между собой различные династии (хотя и оно, скорее всего, было обусловлено неизвестными нам брачными связями Багратидов).

Что касается вопроса о том, в честь какого деда/дяди называли новорожденного — в честь живого или умершего, — то однозначных свидетельств в пользу одной из двух версий у нас нет. Однако косвенно в пользу второй версии говорит то, что в подавляющем большинстве случаев такого имянаречения известные нам годы жизни внука/племянника и деда/дяди²² не пересекаются. Исключение здесь представляют собой только Ашот, брат Смба́та VI, и Ашот I Сиспиритидский, у которых ближайшие по родству тезки — дядья-ишханы Ашот II (†690)

²⁰ См.: Юзбашьян 1988: 16.

²¹ В лучшем случае авторы указывают на сходство имен у родственников: так, Иоанн Драсханакертци (Йовһанնէս Ժրասխանաքերտցի: 119) словами «Ашот, внук царя Ашота» подчеркивает именно то, что ишхан Васпуракана Ашот Арцруни был внуком царя Ашота I Багратуни, хотя его деда по отцу, ишхана Васпуракана, также звали Ашот, — здесь, вероятно, автор хочет указать, в честь кого получил имя Ашот.

²² Выводятся по формуле: дата рождения ≈ дата первого упоминания минус 20 лет.

и Ашот IV (†826) соответственно — были еще живы к моменту их рождения²³. Конечно, нельзя исключать и того, что они были названы так в честь своих далеких предков, однако, например, в стратегии Рюрикoviчей наречение именем живого дяди могло означать желание поставить новорожденного под покровительство более могущественного родственника — действительно, ишханы Ашот II и Ашот IV были много влиятельней своих братьев — отцов рассматриваемых Ашотов. Одновременно с этим следует отметить и практику наречения имени по одному могущественному лицу — ишхану (Смбату V, Ашоту II) — сразу нескольким членам семьи в одном поколении.

Изменение сложившейся системы имянаречения происходит у Багратидов в конце VIII в. В последней четверти VIII в. Смбат VII называет своего младшего сына нетрадиционным для Багратидов именем *Шапух*²⁴: он получил его в честь какого-то могущественного Шапуха, по которому получили имена в середине VIII в. и два двоюродных брата Мамиконяна, и Шапух Амаатуни²⁵.

Сын Смбата VII Ашот IV дает своему старшему сыну вместо имени деда нетипичное для Багратидов имя *Давид* — впрочем, можно предположить, что Давид родился еще при жизни своего деда Смбата VII, т. е. до 775 г., так как имя *Смбат* получает только пятый (!) сын Ашота (что говорит в пользу версии о наречении имени по умершему деду). Само же имя *Давид* берется снова у Мамиконянов: Давид I Мамиконян был дедом Ашота по матери. Второй сын Ашота получает тоже не самое типичное для Багратидов этого времени имя *Исаак*, которое носил, впрочем, погибший в том же 775 г.²⁶ его троюродный прадед Исаак I, сподвижник Смбата VII и, вероятно²⁷, реальный правитель Армении. Третий сын Ашота нарекается именем *Мушег* — явно в честь Мушега Мамиконяна, тестя Смбата VII и главы антиармянского восстания 775 г., погибшего в одной битве с отцом Ашота — Смбатом VII. Четвертый сын Ашота — Баграт (известен с 826 г.) — получил либо имя своего двоюродного прапрадеда, либо просто актуализованное старое династическое имя. Наконец, шестой сын Ашота получил тоже нетипичное для Багратидов имя *Торник* (или *Атом*, согласно Вардану Великому²⁸).

²³ Ашот, брат Смбата VI, в 700 г., т. е. через 10 лет после смерти Ашота II, был уже совершеннолетним (см.: Левонд: 15); Ашот I Сиспиритидский воцарился в 824 г., т. е. за 2 года до смерти Ашота IV.

²⁴ Само имя *Шапух* (или *Шапухр*, см.: Левонд: 116) происходит от персидского имени *Шапур*, которое носили три персидских царя, а также персидский ставленник — царь Армении в 416–20 гг., названный так в честь деда, Шапура III.

²⁵ Левонд: 116; в случае, если бы он был назван по своему умершему двоюродному или троюродному деду по матери — Шапуху Мамиконяну, он бы родился после Багравандской битвы 775 г., в которой погиб вместе с Шапухами и его отец, т. е. был бы постумным ребенком, однако Вардан (Вардан Великий: 97) прямо говорит, что этот Шапух выжил после Багравандской битвы.

²⁶ Левонд: 105; у Гуманова (Goumanoff 1990: 112) ошибка — 772 г.

²⁷ См.: Юзбашьян 1988: 53.

²⁸ Нельзя исключать, что Вардан (Вардан Великий: 102) смешал принявшего мученичество при Буха-Турке третьего сына Ашота с другим тогдашним мучеником Атомом Осиранским, упоминаемым у Асохика (Асолик: 78–79).

Таким образом, при наречении своих сыновей Ашот IV предпочитает традиционным для Багратидов именам имена героев восстания 775 г., в т. ч. и из династии Мамиконянов — соратников его отца по борьбе с арабами. Впервые за сто лет в багратидском именовании появляются имена, типичные для других династий, но теперь не для Арцруни, а для Мамиконянов — союзников Багратидов в Багревандской битве. Называя сыновей именами погибших героев-Мамиконянов, Ашот Багратуни одновременно «присваивает» своему роду славу угасающей династии Мамиконянов. Впрочем, характерно, что именно носившие традиционные для Багратидов имена Баграт и Смбат (см. выше), которые были лишь четвертым и пятым сыновьями Ашота, стали основателями династий, Таронской и Анийской соответственно.

2. Таронские Багратиды

Основателем таронской ветви Багратидов был Баграт, четвертый сын Ашота IV. Сам Баграт назвал своих сыновей по обычным багратидским моделям, словно игнорируя «идейную» практику своего отца (см. выше): старший сын — Ашот — получил имя деда по отцу; второй — Давид — назван по дяде по отцу; точно по такому же принципу был наречен и третий сын — Торник.

Однако уже в следующем поколении, в середине IX в., принципы имянаречения у Таронитов стали разниться: если сын Давида вполне стандартно был назван традиционным именем *Ашот*, в честь дяди (или в честь деда по матери — Ашота I Арцруни Васпураканского), то у других братьев сыновья носят новые для Багратидов имена. Ашот называет своего сына Гургеном, причем примерно тогда же, когда это имя получают и сын двоюродного брата Ашота — Мушела (Мушега) I Моксоенского, и сын Адарнасе II из династии тао-кларджетских Багратидов (см. ниже), и сын Амазаспа II Арцруни Васпураканского, — видимо, все они были наречены в честь какого-то могущественного Гургена, вероятно, в честь картлийского эристава Гургена конца VIII в.²⁹ Торник же дает своим сыновьям также нетипичные для Багратидов имена: *Григорий* и *Апоганем*, — и если второе имя имеет арабское происхождение (*Абу Ганым*), то первое явно следует практике деда Торника — Ашота IV: имя *Григорий* типично для Мамиконянов VIII–IX вв.; возможно, сын Торника, известный с 898 г., был назван в честь Григория I Мамиконяна († между 856 и 862 гг.), с которым он, не исключено, состоял и в родственной связи.

В свою очередь, Григорий и Апоганем возвращаются к обычной багратидской практике имянаречения: у первого сыновья получают традиционные имена *Баграт*, в честь прадеда, и *Ашот*, в честь двоюродного дяди или двоюродного деда; у второго — уже привычное имя *Торник*, в честь деда.

²⁹ КАРТЛИС ЦХОВРЕБА: 223. Согласно «Обращению Картли» (Мокцеваи Картлисаи: 30), его звали Гуарам.

В следующем поколении имя *Торник* станет родовым, когда эта линия Таронитов превратится в византийских патрикиев Торников, полностью сменив при этом набор личных имен на чисто византийский (*Николай, Лев, Роман, Петр, Иоанн*). То же самое происходит и в старшей ветви таронских Багратидов, происходящей от Баграта II: его детей зовут Роман (в честь императора Романа I или Романа II) и Мария, внука — Феофилакт. Брат Баграта II Ашот III, напротив, сохранил традиционные для Таронитов имена: его сыновей звали Григорием, в честь деда, и Баграмом, в честь дяди. Вынужденный уступить Тарон императору и перешедший на византийскую службу Григорий так же традиционно назвал своего сына Ашотом, в честь деда, а тот своего — Григорием, тоже в честь деда. Лишь в следующем поколении этой линии традиционные таронитские имена заменяются на византийские (*Михаил, Иоанн*), хотя внук последнего Григория также носит традиционное имя *Григорий*.

Таронские Багратиды демонстрируют нам пример локально-династической стратегии имянаречения: к традиционным общебагратидским именам (*Багра́т, Давид, Ашо́т*) добавляются новые (*Гурген, Григорий*). Имя *Григорий* (*Григор*), позаимствованное, вероятно, у прежних владетелей Тарона — Мамиконянов, закрепляется в именованье, куда с середины X в. под византийским влиянием начинают активно проникать греческие имена.

В рамках гипотезы о наречении имени в честь умершего родственника все таронские примеры вполне соответствуют необходимому критерию несовпадения годов жизни получившего и давшего имя. Впрочем, в двух случаях нельзя исключать и наречения сына в честь живого дяди: Ашот II, низложенный в 898 г., мог быть назван в честь своего дяди — Ашота I, умершего после 878 г.; в честь него, в свою очередь, могли наречь Ашота III, который стал протоспафарием еще до 900 г. В таком случае мы имеем дело с практикой постановки младшим братом/кузеном своего сына под покровительство могущественного родного/двоюродного дяди (впрочем, Ашот II мог быть наречен и в честь деда по матери — Ашота I Арцруни Васпураканского).

3. Анийские, карсские и албанские Багратиды

Основатель династии анийских Багратидов Смбат VIII следовал обычной багратидской практике имянаречения (см. выше), точно так же как и его брат Багра́т — в Тароне. Старший его сын получает традиционное имя *Ашо́т*, в честь деда; третий сын — *Шапу́х*, в честь двоюродного деда³⁰; четвертый — *Муше́г*, в честь дяди; и только пятый сын был назван арабским именем *Абас*, вероятно, в честь халифского сына

³⁰ Наречение имени *Шапу́х* сыну Смбата имело особый политический смысл: так Смбат подчеркивал права своих наследников на Сиспиритиду, осиротевших сыновей правителя которой, Шапу́ха, своего дяди, он принял при своем дворе, но одновременно лишил отцовского наследства.

‘Аббаса ибн аль-Ма’муна, с которым Смбат должен был познакомиться во время своего заложенничества в Сāmarrā’ (до 826 г.)³¹. Особый случай — второй сын Смбата, которого звали тоже Смбат³²: такое имянаречение настолько исключительно (ср. также ниже), что может говорить в пользу наречения в честь прадеда, а не в честь отца.

Сын Смбата, первый армянский царь-Багратид Ашот I, называет своих сыновей также вполне традиционно: первого Смбатом, в честь деда; третьего Шапухом, в честь дяди; второго Исааком, а четвертого Давидом, в честь двоюродных дедов. А вот брат Ашота — Мушег I Моксоенский нарекает своих сыновей теми же именами *Григорий* и *Гурген*, что одновременно с ним — таронские Багратиды (см. выше).

В следующем поколении и Смбат I, и его брат Шапук (равно как и женатый на их сестре Григорий Арцруни) называют своих первенцев в честь деда — Ашота I, а вот их брат Исаак — Смбатом, в честь скорее дяди, чем прадеда. Остальных двух сыновей Смбат называет в честь двоюродных дедов Мушегом и Абасом. Последнее имянаречение особенно показательное, так как со своим дядей Абасом Смбат I серьезно враждовал после смерти Ашота I, — здесь налицо символическое примирение между членами рода, причем, очевидно, посмертное (появляющийся в источниках после 913 г. Абас I родился, с большой долей вероятности, после 889 г., когда умер его двоюродный дед).

Абас I нарекает своих сыновей в честь дядьев, т. е. своих старших братьев: старшего сына — Ашотом, в честь предыдущего царя Армении, а младшего — Мушегом.

Начиная со следующего поколения система имянаречения у Багратидов начинает видоизменяться. Если Мушег, основатель династии карсских царей, называет своего первенца традиционно, в честь деда, Абасом, то его брат Ашот III — Смбатом, в честь прадеда (см. ниже), а младших вообще — необычными для Багратидов именами *Гагик*, в честь троюродного деда — Гагика-Абумарвана Арцруни, и *Гурген*, в честь прадеда — Гургена II Таосского (упоминаемое в источниках его второе имя, *Квирик* (*Корике*, *Кюрике*; из греческого *Κυριακός*), могло быть взято у кахетинских хорепископов и связано с тем, что Гурген воцарился в соседней Албании).

Впрочем, Гагик возвращается от «политической»³³ к традиционной багратидской системе имянаречения, называя сыновей последовательно в честь родственников-царей: дяди (*Иоанн-Смбат*), деда (*Ашот*) и прадеда (*Абас*), закрепляя тем самым историческую память своей династии. В свою очередь, его двоюродный брат Абас, царь Карса, нарекает сына двойным именем *Гагик-Абас*, одновременно в честь прадеда (*Абас*) и двоюродного дяди — анийского царя (*Гагик*).

³¹ Сам Смбат VIII носил прозвище *Абӯ-л-‘Аббас* (MICHEL LE SYRIEN: 192) или *Аба-Абас* (Асолик: 77).

³² О нем см.: Юзбашьян 1988: 55–56.

³³ Под «политическим» мы понимаем наречение новорожденного именем, не типичным для данного рода, а взятым извне, у какого-либо могущественного соседа.

В дальнейшем анийские Багратиды останутся верны традиционной системе имянаречения: Иоанн-Смбат называет своего сына Абасом, в честь Абаса, дяди и одновременно деда по матери, его брат Ашот — Гагиком, в честь деда. Гагик называет сыновей Иоанном (Ованнесом), в честь двоюродного дяди, предыдущего анийского царя, и Давидом, в честь деда по матери — Давида Арцруни Васпураканского. Наконец, Иоанн нарекает своего сына Ашотом, в честь прадеда (возможно, потому, что его дед, Гагик II, был еще жив).

Схожая схема действует и в албанско-лорийской линии Багратидов, с той лишь разницей, что здесь повторяются имена именно ее основателей: *Квирике* и *Давид*. Сам Гурген-Квирике называет второго и третьего сыновей в честь дяди (*Смбат*) и деда (*Абас*). Странными выглядят имена первого сына — *Давид* (возможно, в честь куропалата Давида I; дано одновременно с Давидом I Кахетинским) и четвертого — *Квирике* (скорее в честь Квирике II Кахетинского, чем в честь отца, ср. выше).

Далее в династии сочетаются традиционный и «политический» принципы имянаречения: Давид называет своего первого сына Квирике, в честь деда; второго — Гагиком, в честь двоюродного деда, могущественного Гагика I Анийского; третьего — Смбатом, в честь дяди, а вот четвертого — Адарнасе, видимо, в честь куропалата Адарнасе I. В свою очередь, Квирике назвал своих первых сыновей в честь деда (*Давид*) и двоюродного деда (*Абас*), а вот третий известен под именем *Стефан* (*Степанос*), которое он, бывший епископом, получил, скорее всего, как монашеское; Давид также назвал своего сына в честь деда Квирике, а тот своего — Абасом, в честь двоюродного деда. Напротив, брат Квирике Гагик вводит в именослов новое имя — *Ахсартаг*³⁴, которое затем чередуется в данной ветви с традиционным именем *Квирике*.

Более чем трехсотлетняя (с середины IX по конец XII в.) практика имянаречения анийских Багратидов и их боковых ветвей (карсской, лорийской и кахетинской) демонстрирует нам удивительную устойчивость традиции, сложившейся у Багратидов еще в предыдущий период. Старшие сыновья анийских царей обычно получают имя предшествующего родственника-царя: *Смбат* или *Ашот* (получая тем самым как бы права на престол), а остальные — имена других родственников; особенно ясно феномен «царского» имени проявляется у Смбата II, которого называют не в честь деда — Абаса I, тоже царя, но при этом младшего брата, а в честь прадеда — Смбата I. У лорийских Багратидов «царские» имена — соответственно, *Квирике* и *Давид*. Первенцы младших представителей рода также иногда нарекаются «царскими» именами, в честь деда или дяди (сын Шапуха Ашот, сын Исаака Смбат, сын Абаса I Ашот III), возможно, ради акцентуации прав на престол (в первом

³⁴ Ю. С. Гаглойти (Гаглойти 2000: прим. 23), видимо, опираясь на В. Абаева, считает, что это имя аланского происхождения: «Хсартаг — 'доблестный, прославленный'» (как отметил в письме к нам С. Р. Тохтасьев, возможна и более близкая иранская форма — Хсарган). Если это так, то Ахсартаг I мог получить свое имя в честь какого-то могущественного аланского правителя — деда по линии матери (кто она была, неизвестно).

и последнем случае эти права, действительно, предъявлялись). «Политическим» можно считать и наречение сына Смбата I Мушегом, в честь двоюродного деда, что должно было претензии анийских Багратидов на Моксоену, которой владел Мушег I и его потомки. Однако трижды, в середине IX, в середине X и в середине XI в. (т. е. раз в столетие), мы видим политически обусловленное введение новых имен, которые оказываются реципированы в дальнейшем: соответственно *Абас*; *Гагик* и *Квирик*; *Ахсартан*.

Гипотезе о наречении новорожденного именем умершего родственника здесь, опять же, хронологически ничто не противоречит. Впрочем, в вышеупомянутых случаях наречения первенцев младших представителей рода именами дядьев-царей мы, возможно, имеем дело с постановкой сына под покровительство могущественного живого дяди: сын Шапуха Смбат родился до 912 г., когда погибли его отец и дядя Смбат I; Ашот III, воцарившийся в 951 г., вполне мог родиться до 928 г., когда умер его дядя Ашот II; сюда же можно отнести и наречение его брата Мушега I, царя Карса с 961 г., в честь другого дяди, умершего в 924 г. Особая проблема — наречение сына Смбата VIII именем *Абас* (род. после 820 г.), в честь 'Аббаса (†839), сына халифа аль-Ма'мун: оно также похоже больше на наречение в честь живого патрона, ибо после смерти своего отца 'Аббас не стал халифом и был казнен. Как особый феномен следует отметить два случая совпадения имен отца и сына (см. выше): в честь кого здесь был назван ребенок, остается неизвестным, ибо в обоих случаях то же имя носил также достаточно близкий родственник.

4. Тао-кларджетские Багратиды

Происхождение тао-кларджетских Багратидов, важное для понимания характера их именованности, было предметом споров еще в средневековье. Источники дают нам три основные версии³⁵.

Согласно первой, очевидно фиктивной, но являвшейся официальной для самих тао-кларджетских Багратидов уже к середине X в., они происходили от библейского царя Давида³⁶; «История и прославление Багратидов» (далее — ИПБ) не отрицает при этом их родства с армянскими Багратидами, возводя всех их к общему корню³⁷. Вторую версию имплицитно содержат грузинские источники³⁸, называющие Ашота, первого куропалата из тао-кларджетских Багратидов, сыном Адарнасе, наследника и брата (?) Стефана III (†739)³⁹; при этом ИПБ и «Жизнь Вахтанга Горгасала» (далее — ЖВГ) гармонизируют обе версии, называя первым

³⁵ См. также: Молчанов 2005.

³⁶ КАРТЛИС ЦХОВРЕБА: 112, 140, 221; КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ: 45; ГЕОРГИЙ МЕРЧУЛЕ: 96.

³⁷ Грузинская легенда является вариантом армянской, приписывавшей Багратидам библейское происхождение и утверждавшей, что они прибыли в Армению еще при Навуходоносоре (АСОЛИК: 107; МОВСЕС КАЛАНКАТУАЦИ: 24).

³⁸ МОКЦЕВАЙ КАРТЛИСАИ: 30; КАРТЛИС ЦХОВРЕБА: 221.

³⁹ Эту версию, возводящую грузинских Багратидов к Фарнавазидам, поддерживали П. Ингороква (ИНГОРОКВА 1954: 79) и Г. С. Мамулия (МАМУЛИЯ 1971: 179–91).

Багратидом — эриставом Картли уже Гуарама I Великого (конец VI в.). Наконец, армянский историк Вардан Великий⁴⁰ прямо называет отца Ашота Адарнасе сыном Васака и внуком армянского спарапета Ашота III Слепого; с ним отчасти согласуется Псевдо-Джуаншер в списке царицы Анны, именующий Адарнасе внуком Адарнасе Слепого, тогда как в списках царицы Марии и Мачабели Адарнасе назван его «племянником по сестре», а в списках XVIII в. — «племянником по брату». Исследователи, поддерживающие армянскую версию происхождения таокларджетских Багратидов⁴¹, считают последние два варианта сознательным затушевыванием армянского следа, хотя, в действительности, они лучше согласуются с соседними словами о том, что отец Адарнасе лишь «был породнен» с Багратуни. В свою очередь, «армянскую» версию происхождения таокларджетских Багратидов можно с таким же успехом считать идеологической, причем зафиксированной не ранее XIII в. Что же касается предположения Туманова⁴² о браке Адарнасе с дочерью Гуарама III, то оно является чисто гипотетическим (см. также ниже); указание «Летописи Картли» (далее — ЛК)⁴³ на брак дочери Адарнасе Латавр с картлийским правителем Джуаншером также не слишком надежно, так как этого Джуаншера нет в других, более древних списках правителей Картли — предшественников Ашота куроपालата⁴⁴.

Некоторые коррективы в эту картину позволила внести находка глоссы в исторически весьма достоверной грузинской рукописи Sin. N 50 (X в.): «Когда умер мампал, благословенный и славный Адарнасе, сын Стефана, племянник по отцу Димитрия и внук Гуарама Великого, на двадцатый год [после этого] умерла его благословенная супруга Гуарамавр, 2 декабря. А 20 января умерла благословенная царица Латавр, дочь Стефана, сестра Адарнасе, мать Багратуниани и Куропалатиани. Она была погребена в Джвари, в Святой Марии, со своим сыном и сыном своей дочери»⁴⁵. Как верно отметил З. Алексидзе, эта глосса сдвигает появление грузинских Багратидов (указанных здесь в самой архаичной форме — Багратуниани) на исторической арене к середине VII в. (Адарнасе стал эриставом Картли в 624 г. и скончался до 637 г., так как Ктесифон-«Багдад» был захвачен арабами, согласно ОК и ИПБ⁴⁶, уже в правление его сына Стефана II). Впрочем, вопреки Алексидзе, маловероятно, что было две Латавр, в середине VII и во второй половине VIII в., — скорее всего, в ЖВГ мы видим искажение предания: Латавр, происходившая из рода картлийских эриставов и породнившаяся с Багратидами, превратилась в Латавр, происходящую из Багратидов и породнившуюся с картлийскими эристами; хронологический сдвиг

⁴⁰ Вардан Великий: 98.

⁴¹ TOUMANOFF 1961: 274. N. 125; ЮЗБАШЬЯН 1988: 130, прим. 82.

⁴² TOUMANOFF 1963: 413–16.

⁴³ КАРТЛИС ЦХОВРЕБА: 140.

⁴⁴ ОБРАЩЕНИЕ ГРУЗИИ: 30; КАРТЛИС ЦХОВРЕБА: 223; см. также ниже.

⁴⁵ LE NOUVEAU MANUSCRIT GEORGIEN SINAITIQUE N50: 36–40.

⁴⁶ МОКЦЕВАЙ КАРТЛИСАИ: 30; КАРТЛИС ЦХОВРЕБА: 223.

легко объясним тем, что в ЖВГ из-за смешения Стефана II и Стефана III выпала вообще вся вторая половина VII в. А вот брак сестры Ашота III Слеплого и отца Адарнасе Багратиони во второй половине VIII в. мог быть как междинастическим, так и внутрибагратидским. Кроме того, получает объяснение подчеркиваемая ИПБ и ЖВГ связь Багратиони с Гуарамом I Великим: он, конечно, не был из Багратидов, но они породнились с ним через его внучку Латавр. Таким образом, мы видим, что Багратиды-Багратуниани — династия, очевидно, армянского происхождения (по мужской линии) — укоренились на картлийской почве посредством династических браков еще с середины VII в.

Сложное происхождение тао-кларджетских Багратидов отражается в их раннем именовании (сер. VIII — сер. IX в., т. е. на стадии его формирования). Он весьма неоднороден: с одной стороны, в нем присутствуют имена, стандартные для ранних армянских Багратидов: *Ашот, Баграт, Смбат (Сумбат), Давид*; с другой стороны, остальные имена типичны для правителей Картли второй половины VII–VIII в.: *Адарнасе (Атр-Нерсе), Гуарам, Гурген, Нерсе* (идентично греческому *Нерсес*). Такая гетерогенность ясно указывает на соединение у ранних тао-кларджетских Багратидов именованных двух могущественных династий, от одной из которых они, очевидно, вели свое происхождение по мужской линии, а с другой были связаны брачными узами, позволявшими им одновременно претендовать на Картли.

Очевидно, что Адарнасе называет своего сына в честь Ашота III (†761; но не в честь Ашота IV, который был его сыну ровесником) — то ли прадеда (по версии Вардана и списка царицы Анны), то ли двоюродного деда (согласно другим спискам Псевдо-Джуаншера; см. выше). Своего старшего сына Ашот называет вполне традиционно, в честь деда (*Адарнасе*), однако с остальными все также непонятно: назвали ли Баграта (как чуть раньше и Баграта I Таронского) в честь Баграта, сына Смбата V, т. е. в честь двоюродного прадеда/прапрадеда, или просто актуализованным багратидским эпонимным именем? Имя третьему сыну — Гуараму, родившемуся уже после переселения в Тао-Кларджети, Ашот дал либо в честь картлийского эрисмтавара Гуарама IV (конец VIII в.) — своего брата, согласно ОК и ИПБ (в ИПБ он назван Гургеном⁴⁷), либо в честь другого картлийского эрисмтавара — Гуарама III, который мог быть дядей Гуарама IV, а следовательно, и самого Ашота, либо, наконец, в честь картлийского куропалата Гуарама I (конец VI в.), «сыновья» (т. е. потомки) которого, согласно Псевдо-Джуаншеру⁴⁸, были некогда сеньорами его отца Адарнасе и владельцами Тао-Кларджети.

В следующем поколении два этих механизма, традиционный и инновационный, сосуществуют во всех трех ветвях тао-кларджетских Багратидов. Адарнасе называет своего первого сына Гургеном, скорее всего, в честь картлийского эристава Гургена, т. е. в честь двоюродного деда

⁴⁷ КАРТЛИС ЦХОВРЕБА: 223.

⁴⁸ Там же: 112.

(согласно ИИБ⁴⁹), причем тогда же, когда это имя дают своим сыновьям Багратиды Ашот I Таронский и Мушег I Моксоенский, а также Амазасп II Арцруни Васпураканский (см. выше); второго — Ашотом, в честь деда (тот факт, что он не назвал Ашотом своего первенца, говорит в пользу гипотезы о наречении новорожденного в честь *умершего* ближайшего родственника); третьего — Смбатом, скорее всего, в честь Смбата VII или Смбата VIII Исповедника, своего свата. Женатый на другой дочери Смбата VIII Анийского Баграт нарекает своего первого сына Давидом, вероятно, в честь Давида Багратуни Одзбердского, двоюродного деда по матери; второго — Адарнасе, в честь прадеда или дяди по отцу; третьего — Ашотом, в честь деда по отцу (или, менее вероятно, прадеда по матери). Наконец, женатый на еще одной дочери Смбата VIII Гуарам называет старшего сына то ли Нерсе, возможно, в честь картлийского эрисмтавара Нерсе (770–80-е гг.; если это только не вариация родового имени *Адарнасе*), то ли Наср (как в большинстве источников), вероятно, в честь происходившего с Кавказа знаменитого византийского полководца второй четверти IX в. Насра-Феофова; а младшего — Ашотом, в честь деда по отцу (или, менее вероятно, прадеда по матери).

Таким образом, во всех трех линиях тао-кларджетских Багратидов мы видим как имена ближайших предков, так и имена могущественных династов из других правящих домов (картлийского и армянского), причем своим первенцам все Багратиды дали именно такие, заимствованные имена. Этот феномен теоретически можно было бы объяснить двояко: запретом на наречение имени ближайшего живого родственника (*Ашот* или *Адарнасе*) или желанием сыновей Ашота, оставшихся после его смерти безземельными⁵⁰, поставить себя под покровительство могущественных соседей. Однако исторический контекст делает вероятным только второе объяснение: на момент смерти Ашота его сыновья были еще несовершеннолетними⁵¹ и потому вряд ли могли иметь каждый по сыну. Следовательно, мы видим здесь продолжение практики привлечения в династический ономастикон имен могущественных соседних правителей, начатой еще Ашотом. Этот процесс подкрепляется брачными узами: Смбат VIII Анийский выдает трех своих дочерей за представителей всех трех ветвей Багратидов, причем из разных поколений: Гургена, Баграта и Гуарама.

Еще в поколении сыновей Ашота главенство в семье, вместе с титулом куропалата, получает средняя ветвь — линия Баграта (†876). После его смерти титул переходит к его сыну Давиду, а после убийства последнего (881) двоюродным братом Нерсе-Насром из младшей линии — к представителю старшей ветви Гургену. Однако после смерти Гургена (†891) куропалатом снова становится представитель средней ветви — сын Давида Адарнасе, который за три года до этого, в союзе с Гургеном, убил вернувшегося в свою вотчину Нерсе-Насра.

⁴⁹ МОКЦЕВАЙ ԿԱՐՏԼԻՏԱԻ: 30; ԿԱՐՏԼԻՏ ՇՈՎՐԵԲԱ: 223.

⁵⁰ ԿԱՐՏԼԻՏ ՇՈՎՐԵԲԱ: 224.

⁵¹ Там же: 224.

В результате этого в следующем поколении линия Гуарама, младшая, пресекается; зато линия Адарнасе, старшая, делится надвое: на потомков Гургена (самая старшая линия) и потомков Смбата, владельцев Артануджи. Гурген, хоть и был женат на дочери Смбата VIII, называет своих сыновей скорее в рамках семейной традиции: Адарнасе, в честь деда, и Ашотом, в честь дяди или прадеда по отцу (но может быть, и в честь Ашота I Анийского, дяди по матери). Напротив, его брат Смбат нарекает своих сыновей по политическому принципу — в честь представителей средней, куропалатской ветви Багратидов: Баграмом, в честь двоюродного деда-куропалата, и Давидом, в честь двоюродного дяди-куропалата. Наконец, сам представитель средней ветви Давид называет сына также в честь представителя другой, теперь уже старшей ветви Багратидов — Адарнасе II, т. е. в честь двоюродного деда. Схожесть стратегий имянаречения у Смбата и Давида говорит не столько о поиске политического покровительства, сколько о стремлении укрепить единство семьи, чему способствовал также брак между Адарнасе III из самой старшей линии и дочерью Давида из средней.

«Политическая» стратегия прослеживается и в следующем поколении тао-кларджетская Багратидов. Представитель самой старшей ветви Адарнасе III, женатый на дочери Давида, куропалата из средней линии, называет своего старшего сына именно в честь него, т. е. одновременно в честь двоюродного деда по отцу и родного деда по матери, и лишь младшего — Гургеном, в честь деда по отцу. В артануджской ветви Баграт нарекает сыновьям имена *Адарнасе*, в честь прадеда (или, менее вероятно, двоюродного дяди из самой старшей ветви), *Гурген*, в честь двоюродного деда — опять же из самой старшей линии, и *Ашот*, в честь двоюродного деда или дяди также из самой старшей линии; а вот его брат Давид называет сына Смбатом, в честь деда, основателя ветви. Напротив, Адарнасе из средней, куропалатской ветви выбирает для сыновей имена из своей линии: *Давид*, в честь деда-куропалата, *Ашот*, в честь двоюродного деда, *Баграт*, в честь прадеда, и *Смбат*, в честь прапрадеда (менее вероятно, в честь троюродного деда, основателя артануджской линии). Здесь мы видим две стратегии: наречение имен из своей ветви (в средней и части артануджской линии) и заимствование имен из более сильных ветвей рода (в самой старшей — из средней, куропалатской; в части артануджской — из самой старшей). Прослеженная нами символическая связь между артануджской и самой старшей, таосской ветвью Багратидов (т. е. связь внутри старшей ветви) была подкреплена затем брачными узами: Гурген II Таосский взял в жены дочь Ашота II Артануджского, что не помешало дальнейшей вражде между ними, а Смбат II Артануджский — дочь Баграта из средней линии.

В дальнейшем мужское потомство самой старшей линии Багратидов пресекается. В старшей линии артануджской ветви у Гургена I рождается после его смерти сын, которого в честь отца называют Гургеном⁵².

⁵² Ср. КАРТЛИС ЦХОВРЕБА: 226: «оставил этот Гурген сына в утробе жены своей, которого также назвали Гургеном, именем отца его».

Этот сильный аргумент в пользу гипотезы о наречении новорожденного в честь умершего ближайшего родственника соседствует с другой стратегией в аналогичной ситуации: родившемуся после смерти Давида, брата Гургена, сыну дали имя деда, как это, видимо, и планировал его отец. Женатый на дочери Баграта из средней ветви Смбат II из младшей артануджской ветви нарек старшего сына Ашотом, в честь двоюродного дяди по отцу или двоюродного деда по матери — куропалата, второго — Давидом, в честь деда (аргумент в пользу гипотезы об имянаречении в честь умершего) или другого двоюродного деда по матери, магистра, и третьего — Баграмом, в честь двоюродного деда по отцу или деда по матери. Если альтернативное объяснение — о заимствовании имен родственников по матери — неверно, то мы видим здесь смену стратегии: именам из другой, пусть и более могущественной линии предпочитают имена ближайших родственников, что является, вероятно, следствием конфликта артануджской линии с остальными тао-кларджетскими Багратидами в 920-х гг.⁵³ В средней, куропалатской, линии имянаречение остается традиционным замкнутым: Баграт называет сына Адарнасе, в честь деда, а Смбат — Баграмом, в честь дяди, и Адарнасе, в честь деда.

В следующем поколении «замкнутое» имянаречение сохраняется в артануджской ветви (Баграт называет сыновей Смбатом, в честь живого деда⁵⁴, и Гургенем, в честь троюродного деда или троюродного дяди либо, менее вероятно, в честь Гургена из самой старшей линии) и в части средней (Адарнасе, сын Сумбата, назвал сына Давидом, в честь двоюродного деда). В части средней линии консервативная и инновационная стратегии совмещаются: женатый на дочери Давида Артануджского Адарнасе V называет своих сыновей Баграмом, в честь деда, и Давидом, в честь деда по матери, но одновременно и в честь двоюродного деда по отцу. Чистым «инноватором» становится лишь другой представитель средней линии — Баграт, который, называя младшего сына именем деда — *Смбат*, выбирает для первенца имя *Гурген*, характерное для самой старшей и артануджской ветвей Багратилов. Таким образом, наиболее консервативной среди всех Багратилов оказывается семья самих куропалатов, чередующая на протяжении пяти поколений небольшой набор имен: *Давид*, *Адарнасе*, *Ашот*, *Баграт*, *Смбат* (близкий, заметим, к ономастикону современных им анийских Багратилов).

В общем и целом механизм имянаречения у тао-кларджетских Багратилов на протяжении двух веков (конец VIII — конец X в.) выглядит следующим образом. При общем чередовании консервативного набора имен имеются два периода заимствований: ранний (конец VIII — начало IX в.), когда именослов Багратилов обогащается картлийскими именами, и поздний, когда заимствование имен происходит только из сильных ветвей рода в более слабые, параллельно брачным союзам между ними. Также можно отметить феномен исчезновения традиционных

⁵³ КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ: 46.

⁵⁴ КАРТЛИС ЦХОВРЕБА: 227.

имен или их наречения лишь в одной из линий семьи (например, имя *Смбат* у артануджских Багратидов). Что касается гипотезы о наречении имен в честь умерших родственников, то формально ей хронологически противоречат два случая наречения в честь живого деда: Смбата III Артануджского — в честь Смбата II и Баграта II — в честь Баграта I, если только они названы действительно в честь них, а не других одноименных родственников (прапрадеда в первом случае, двоюродного прадеда по отцу или прадеда и дяди по матери — во втором). Также возможен и ряд случаев постановки представителями младших или более слабых ветвей своих сыновей под покровительство живого дяди или двоюродного деда из старших или более могущественных линий: Баграт I своего первенца мог поставить под покровительство старшего дяди Адарнасе II; куропалат Давид I своего первенца — под покровительство двоюродного, старшего деда Адарнасе II Таосского; Баграт I Артануджский своего второго сына — под покровительство двоюродного, старшего деда куропалата Гургена I, а третьего — под покровительство двоюродного, старшего дяди Ашота II Таосского; Смбат II Артануджский своего первенца — под покровительство двоюродного деда по матери — куропалата Ашота II, второго сына — под покровительство другого двоюродного деда по матери магистра Давида, а третьего — под покровительство деда по матери магистра Баграта.

5. Цари объединенной Грузии

Создание объединенного Грузинского царства, включившего в себя целиком или частично Абхазское царство, Тао-Кларджетское куропалатство, Картли, а затем и Кахетию, сильно отразилось на именовании его правителей. Этому способствовало и происхождение его создателя — Баграта I: по отцу он принадлежал к младшей линии средней, куропалатской, ветви Багратидов, а по матери приходился внуком и племянником четырем последним абхазским царям.

Поэтому неудивительно, что своему сыну Баграт дает имя *Георгий*, в честь своего деда по матери — могущественного абхазского царя Георгия II. Этот шаг, несомненно, символичен: Баграт отказывается от типичных багратидских имен в пользу имени, традиционного для абхазских царей, так как и сам он титуловался «царем абхазов». Его сын Георгий частично продолжает такую стратегию: если старшего сына он нарекает в честь деда Багратом, то младшему дает еще одно имя из ономастикона абхазских царей — *Димитрий* (*Деметре*), называя сына в честь двоюродного прадеда — Димитрия III (так же, как несколько раньше был назван один из последних артануджских Багратидов). Баграт II, в свою очередь, дает сыну имя *Георгий* (*Гиорги*), в честь деда.

Такой стратегии изменяет Георгий II, назвав сына Давидом, вероятней всего, в честь Давида куропалата, приемного отца своего деда и главного оппонента империи, — акт, несомненно, символический, возможно, даже противопоставляющий Грузию Византии, с которой та

в этот момент враждовала. Сам же Давид называет старшего и младшего сыновей традиционно: Дмитрием, в честь двоюродного деда, и Георгием, в честь деда (когда тот уже умер), — примечательно, однако, что Давид избегает родового имени *Баграт*, хотя ни одного из его родственников-Багратов в живых уже не было. Второму же сыну Давид дает имя *Зураб*, видимо, в честь какого-то представителя местной знати — возможно, деда по матери. То же самое можно было бы сказать и об имени третьего сына — *Вахтанг*, однако нельзя исключать здесь и идейную программу — наречение в честь знаменитого древнего царя Вахтанга Горгасала, чей образ идеализируется как раз в конце XI в.

Действия Дмитрия I вполне традиционны: он называет старшего сына Давидом, в честь деда, а младшего — Георгием, в честь прадеда. Давид III, в свою очередь, называет сына Дмитрием, в честь деда. После того как мужское потомство Багратидов прервалось, род грузинских царей продолжился от дочери Георгия III — Тамары. Она сознательно называет своего сына в честь собственного отца — Георгием, подчеркивая тем самым преемственность династии.

Стратегия имянаречения у Багратидов — царей объединенной Грузии не так показательна ввиду небольшого количества имен и линий, однако общий ее принцип очевиден. Грузинские цари, титуловавшиеся «царями абхазов», перенимают, пусть и не полностью (без имен *Леон* и *Феодосий* — последнее в силу исторических причин, очевидно, считалось «несчастливым»), именослов абхазских царей, в котором присутствовало также типично багратидское имя *Баграт*. Единственной заметной новацией в именослове грузинских Багратидов является то, что около 1070 г. из него исчезает имя *Баграт*, а взамен появляется другое багратидское имя — *Давид*. Последнее имело, скорее всего, символический характер, так же как и наречение сына Давида Строителя именем *Вахтанг*.

Что касается гипотезы о наречении новорожденного в честь умершего родственника, то имеющиеся факты ей не только не противоречат, но и подтверждают ее: Баграт II родился через 4 года после смерти своего деда Баграта I; Георгий II родился после смерти своего деда Георгия I, так как на момент этой смерти его отцу Баграту II было только 9 лет; Георгий IV родился через 8 лет после смерти своего деда Георгия III. Единственное исключение — это Дмитрий, сын Давида II (†1155), названный так в честь деда — Дмитрия I (†1156).

Итак, мы можем констатировать, что у Багратидов, что армянских, что грузинских, на протяжении почти восьми столетий (VI–XIII вв.) не просто действовал, а был именно основным тот же принцип имянаречения, что и у Рюриковичей: новорожденного сына называли чаще всего именем деда или дяди по отцу, реже — прадеда, двоюродного деда или дяди, причем обычно умершего, хотя встречаются и случаи наречения имени

в честь живого дяди — более сильного родича. Наряду с этим периодически появляется и наименование, обусловленное политическими целями: подчеркиванием значения родичей по матери, патронатом более могущественной династии или укреплением внутрдинастического единства.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

АСОЛИК — Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию. Пер. Н. Эмина. Москва, 1864.

ВАРДАН ВЕЛИКИЙ — Всеобщая история Вардана Великого. Пер. Н. Эмина. Москва, 1861.

ГЕОРГИЙ МЕРЧУЛЕ — *Георгий Мерчуле*. Житие Григория Хандзтийского. Пер. Н. Я. Марра. СПб., 1911.

ИОВАННЕС ДРАСХАНАКЕРТЦИ — *Иованнес Драсханакертци*. История Армении. Пер. М. О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1986.

КАРТЛИС ЦХОВРЕБА — *Картлис цховреба*. История Грузии. Глав. ред. Р. Метревели. Тбилиси, 2008.

КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ = *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. Москва, 1989.

ЛЕВОНД = История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века. Пер. К. Патканьяна. Санкт-Петербург, 1862.

МОВСЕС КАЛАНКАТУАЦИ — *Мовсес Каланкатуаци*. История страны Алуанк. Пер. Ш. В. Смбатяна. Ереван, 1984.

МОКЦЕВАЙ КАРТЛИСАИ — *Обращение Грузии*. Пер. Е. С. Такайшвили. Тбилиси, 1989.

LE NOUVEAU MANUSCRIT GÉORGIEN SINAITIQUE N50 — *Le nouveau manuscrit géorgien sinaïtique N50*. Éd. par Z. Aleksidze, trad. par J.-P. Mahe. Lovanii, 2008 (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, 108).

MICHEL LE SYRIEN — *Chronique de Michel le Syrien, Patriarche Jacobite d'Antioche (1166–1199)*. Éd. par J.-B. Chabot. Vol. II. Paris, 1904.

SYMEONIS MAGISTRI — *Symeonis Magistri et Logothetae Chronicon*. Rec. S. Wahlgren. Berolini — Novi Eboraci, 2006 (Corpus fontium historiae byzantinae, XLIV/1).

Исследования

ГАГЛОЙТИ 2004 — *Гаглойти* Ю. С. Сведения греко-латинских, византийских, древ-

нерусских и восточных источников об аланах-ясах // *Дарьял*, 4. (http://www.darial-online.ru/2000_4/gagloiti.shtml).

ИНГОРОКВА 1954 — *ინგოროკვა* პ. გიორგი მერჭულე. ქართველი მწერალი მეათე საუკუნისა: ნარკვევი ძველი საქართველოს ლიტერატურის, კულტურის და სახელმწიფოებრივი ცხოვრების ისტორიიდან. თბილისი.

ЛИТВИНА, УСПЕНСКИЙ 2006 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. Москва.

МАМУЛИА 1971 — *მამულია* გ. ბაგრატიონთა დინასტიის წარმოშობა და ქართლის (იბერიის) სამეფოს წარმოქმნა // *მნათობი*, 2. გ. 179–91.

МОЛЧАНОВ 2005 — *Молчанов А. А.* Версия о библейских корнях рода Багратидов в средневековой исторической традиции // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. Москва. С. 165–72.

УСПЕНСКИЙ 2012 — *Успенский Б. А.* Из истории имянаречения. Запрет на повторение имени отца при наименовании ребенка // *Именослов*. История языка. История культуры. Отв. ред. Ф. Б. Успенский. Москва.

ЮЗБАШЬЯН 1988 — *Юзбашьян К. Н.* Армянские государства эпохи Багратидов и Византия. IX–XI вв. Москва.

TOUMANOFF 1961 — *Toumanoff C.* The Bagratids of Iberia from the Eighth to the Eleventh Century // *Le Museon*, 74. P. 5–42.

TOUMANOFF 1963 — *Toumanoff C.* Studies in Christian Caucasian History. Georgetown.

TOUMANOFF 1990 — *Toumanoff C.* Les dynasties de la Caucasic chrétienne de l'Antiquité jusqu'au XIXe siècle. Tables généalogiques et chronologiques. Rome.

СТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ МИХАИЛА I (1205–15) В ЭПИРЕ

С. А. Денисов

События Четвертого крестового похода привнесли значительные изменения в политическую жизнь Византийской империи. Падение Константинополя и распад централизованной системы административного управления способствовали окончательному обособлению византийских провинций, некоторые из которых превратились в независимые греческие государства¹. Одним из крупнейших государств стала Никейская империя, расположенная в Малой Азии и считавшаяся наследницей Византии, «империей в изгнании». За столетия ее правителям удалось, опираясь на социальные и экономические реформы, значительно расширить подвластную территорию². В 1261 г. Михаил VIII Палеолог (1259–82) торжественно въехал в освобожденный от латинян Константинополь, что означало фактическое завершение борьбы против латинского владычества, хотя на Пелопоннесе становление центральной власти заняло еще столетие.

История Никейской империи, безусловно, является основным «полем» для исследования процесса перестройки административного управления, способствовавшей возрождению Византии. Однако не менее важной является история других греческих государств, появившихся после 1204 г., правители которых были менее успешны в борьбе за константинопольский престол.

Падение Константинополя открыло перед представителями провинциальной элиты возможность к оформлению политической независимости подвластных им территорий. Феодор Манкафа, Мануил

¹ УСПЕНСКИЙ 1931: 455–70; УСПЕНСКИЙ 1997: 295–96; HOFFMAN 1974: 171–72; AHRWEILER 1975: 90; DUJČEV 1975: 64; УДАЛЬЦОВА 1976: 4–36; КАРПОВ 1982: 54–61; KAZHDAN, CONSTABLE 1982: 136–37; REINERT 2008: 249–50.

² УСПЕНСКИЙ 1997: 440; GLYKATZI-AHRWEILER 1959: 54–55; OSTROGORSKY 1963: 379–82; ЛИТАВИН 1967: 31–36; ANGOLD 1975: 97–120; КАРПОВ, ЖАВОРОНКОВ 1991: 34; ANGOLD 2008A: 543–68; ANGOLD 2008B: 740–41.

IGOR E. SURIKOV

Onomastics and the history of the Athenian Empire
(some conclusions)

Onomastic data are rarely used by ancient historians, and they are almost never used when one is studying the history of the fifth-century BC. Athenian empire. The author attempts to demonstrate that such data may be very useful in that field. Problems connected with the name of Lamachus, a famous Athenian general, are considered in most detail.

VIADA A. ARUTYUNOVA-FIDANYAN

The beginning of Byzantine Eastern expansion
according to Constantine Porphyrogenitus

Minor districts recaptured by the Armenians in the anti-Arab battles in the tenth century, as well as those within the area populated by the Armenian ethnos, were called “themes” and were sometimes included into the large “Roman” themes (such as Mesopotamia). The term “theme” disappeared when the Empire began its expansion into the lands of Central Armenia. In the late ninth century, the Bagratids of Širak resurrected the Armenian statehood, but not the unified Armenian kingdom. The Armenian state formations, emerging in the course of the elimination of Arab domination in the territory of Armenia, were mediaeval monarchies headed by a king or a prince (Great Armenia, Vaspurakan, Taron, etc). The *Transcaucasian dossier* of Constantine Porphyrogenitus’ treatise *De Administrando Imperio* strictly outlines the geographical borders of the region on which the Empire’s attention in the East is predominantly focused, notes the most potentially important cities and fortresses located along the routes of trade and war, and describes the final stages of the Arab-Byzantine confrontation. The *Transcaucasian dossier* considers the Armenian rulers to be vassals of the Empire and introduces them into the system of “spiritual” and family relations (“sons” and “friends” of the Byzantine Emperor), and also into the system of highest titles conferred by the Emperor on his representatives. The key phrase of the *Transcaucasian dossier* is at the beginning of ch. 43: “...you should not be ignorant of the parts towards the rising sun, for what reasons they became once more subjects (vassals — V. A. A-F.) to the Romans, after they had first lost their superpower”.

ANDREY YU. VINOGRADOV

Bagratids’ strategy of name-giving (up to the thirteenth century)

The article is dedicated to the strategy of name-giving by Armenian and Georgian Bagratids up to the thirteenth century. The analysis shows that the sons (especially elder sons) received the name of a closer elder relative (grandfather or uncle), mostly a dead one, which places

this practice close to the process of name-giving among the Rurikids, but not to that of Byzantine noble families. We as well find the case of name-giving after living mighty uncles as a search for the patronage. Also important is the adoption of names from other families as a policy of patronage and alliance.

SERGEY A. DENISOV

The formation of power of Michael I (1205–15) in Epirus

The article is devoted to the problem of Michael I Doukas' power formation as an independent ruler in Epirus. Research has shown that this formation was accompanied by important political courses and also was a process of substantiation of legitimacy of this power. For this purpose such arguments as legality of hereditary possession, practice of ground benefactions to members of imperial family, related relations to Komnenian dynasty, precedents of creation of independent formations in the Byzantine Empire have been used.

ALEXEY V. KUZNETSOV

Symbolics of secular and church power
in Byzantium of the first half of the seventh century

The article deals with symbolic representation of secular and church power in Byzantium of the first half of the seventh century. According to modern scholarly opinion, it was a critical phase in the history of Byzantine Empire. It was a time of conversion of the state, society and culture into the one of the medieval type. The transformation of the political regime was accompanied by a deep change of the political symbolism. The author examines the symbolic representation of power in the notion of Maximus the Confessor, the most remarkable theologian of the seventh century. The analysis has been carried out on the basis of a wide retrospective review of transformation of power symbols in Byzantine Empire. The investigation has been based on an extensive range of various sources, both narrative and non-narrative. Among the latter there have been involved numismatic and iconographic sources.

From the analysis one may conclude that Maximus the Confessor saw the power of both the emperor and the patriarch (priest) as a reflection of royal and spiritual power of their archetype — Jesus Christ or Old Testament priest-king Melchizedek. According to such point of view, he examined the symbols of power divided between the emperor and the priest. He put forward several arguments to prove the impossibility for the emperor to intrude into the area of Church Dogmatics. The position of Maximus was formed in the situation of growing authority of Constantinople patriarch and decline of the emperor's authority in Church matters. It was a significant step towards a specific Byzantine diarchy of Church and state, known as *συμφωνία*.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Ποχὺτροπος

Сборник научных статей
памяти
Аркадия Анатольевича Молчанова
(1947–2010)

Под редакцией
Т. Н. Джаксон и А. В. Акопяна

Москва «Индрик» 2014

УДК 94
ББК 63.3(0)
П 50

Печатается
по решению Ученого совета ИВИ РАН

Рецензенты:
д. и. н. И. Г. Коновалова, д. и. н. В. Я. Петрухин

ПОЛУТРОПОС. Сборник научных статей памяти
Аркадия Анатольевича Молчанова (1947–2010) /
Под редакцией Т. Н. Джаксон и А. В. Акопяна. —
М.: Индрик, 2014. — 456 с., ил.

ISBN 978-5-91674-292-3

Настоящий сборник посвящен памяти А. А. Молчанова и включает в себя статьи по античной истории, генеалогии и географии, по истории, генеалогии и географии Закавказья, по истории Византии, Древней Руси и Скандинавии, по античной, закавказской и восточной нумизматике и эпиграфике, а также публикацию архивных материалов.

ISBN 978-5-91674-292-3

© Коллектив авторов, текст, 2014
© Редакторы, 2014
© Издательство «Индрик», 2014